

**You have downloaded a document from
RE-BUS
repository of the University of Silesia in Katowice**

Title: Nekotorye aspekty specyfiki преподавания русского азыка в условиях Пол'си

Author: Margarita Nadel'-Cervin'ska

Citation style: Nadel'-Cervin'ska Margarita. (2011). Nekotorye aspekty specyfiki преподавания русского азыка в условиях Пол'си. W: A. Zych, U. Widacha, O. Nowak, O. Małysa, J. Darda-Gramatyka (red.), "Russkij азык в пол'skoj auditorii. T. 3" (S. 11-24). Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.

Uznanie autorstwa - Użycie niekomercyjne - Bez utworów zależnych Polska - Licencja ta zezwala na rozpowszechnianie, przedstawianie i wykonywanie utworu jedynie w celach niekomercyjnych oraz pod warunkiem zachowania go w oryginalnej postaci (nie tworzenia utworów zależnych).

UNIwersYTET ŚLĄSKI
W KATOWICACH

Biblioteka
Uniwersytetu Śląskiego

Ministerstwo Nauki
i Szkolnictwa Wyższego

Маргарита Надель-Червиньска
Катовице

Некоторые аспекты специфики преподавания русского языка в условиях Польши

Независимо от преподаваемого предмета, принято выделять три цели преподавания в условиях аудиторной дидактики: (1) **цель образовательная** (или **обучающая**), (2) **цель познавательная** (или **развивающая**), а также (3) **цель воспитательная** (или собственно **дидактическая**). Эти цели сформулированы были, как известно, еще в начале XVIII века Жан-Жаком Руссо, в его романе-трактате *Юлия, или Новая Элоиза*¹. Руссо также дифференцировал последнюю, **воспитательную** цель, в трех направлениях — (1) как цель **нравственного воспитания** (усвоение определенных норм и правил современной морали), (2) как цель **эстетического воспитания**, которой сам французский философ придавал в своей дидактической концепции, напомним, особое, даже несколько гипертрофированное, значение (усвоение общепринятых в литературе, живописи и др. видах искусства канонов прекрасного), и наконец (3) как **цель духовного воспитания** (или «воспитание души», под которым понимал **воспитание и развитие эмоциональное**, отчасти даже **чувственное**).

При этом французский педагог обращал внимание на необходимость тщательного и трудоемко последовательного засеивания общеобразовательной нивы, а именно — душ юных и еще испытывающих, в отличие от старших поколений, осознанной потребности в обретении тех или иных знаний. В то же время Жан-Жак Руссо считал, что гармоничное воспитание и развитие личности всегда предполагает **совокупность**

¹ Ж.-Ж. Руссо: *Юлия, или Новая Элоиза*. Москва 1975.

всех трех дидактических целей (а в расширенном контексте — и всех, перечисленных только что вслед за Руссо, пяти целей). При этом три основные из них не могут существовать в образовательном процессе отдельно друг от друга: в преподавательском процессе нельзя искусственно исключить какую-либо из них, невозможно также и ограничиться той или иной, игнорируя остальные, — без ущерба для самого дидактического процесса.

Все три эти цели естественным образом присутствуют в образовательном процессе любого характера — и одновременно, и независимо от желания или нежелания субъекта дидактики (преподавателя, лектора, воспитателя). Скорее можно впасть в противоположную и нежелательную крайность, тенденциозность преподавания (так хорошо знакомую по недавним временам идеологического прессинга), чем избежать того или иного воспитательного эффекта. Эффект этот определяется уже самим подбором дидактического материала, а также способами его изложения (в той или иной методической направленности).

В любом случае личность субъекта-преподавателя накладывает неизбежный отпечаток на предлагаемый студенческой аудитории языковой материал и так или иначе влияет на формирование и развитие личности объекта — обучающегося индивида и обучаемых в группе в целом. Тем самым мы всегда имеем в учебной аудитории дело с гумбольдовским эффектом *отражательного восприятия*², популярно интерпретированного Л. Выготским как обязательная цепочка *субъект → отражение субъекта объектом → восприятие объекта*³. Или же — субъект действительности либо речи (а также субъект собственно речевой деятельности) → отражение субъектом реальности (а также самого говорящего и говоримого им) → восприятие видимого (сказанного либо прочитанного).

Адекватное отражение сказанного, соответственно, значительно повышает эффективность восприятия. Неадекватность же отражения, напротив, заметно снижает ту же самую эффективность восприятия. Преподающим практический русский язык в нерусскоязычной студенческой аудитории это хорошо известно по собственному опыту. Известно именно потому, что преподаватель из занятия в занятие сталкивается именно с неадекватным восприятием студентами того русского материала, который предлагается им в учебно-образовательных целях. И, к сожалению, не только русского материала, что иллюстрирует немало повседневных речевых ситуаций. Так, например, на вопрос:

² В. Гумбольдт: *О различии строения человеческих языков и его влиянии на развитие человечества*. В: Его же: *Избранные труды по языкознанию*. Москва 2000, с. 76, 80.

³ Л.С. Выготский: *Мышление и речь*. http://ihtik.lib.ru/lib_ru_psychology.

«Что Вы делали во время сессии?» студенты часто отвечают: «Мы очень много учились». Если же спросить, почему они не делали этого во время учебного семестра, отвечают: «У нас не было времени учиться, потому что мы обязаны были ходить на занятия».

И не случайно в начале статьи речь шла о трех дидактических целях, некогда определенных Ж.-Ж. Руссо, поскольку корни современной неадекватности восприятия польской студенческой аудиторией русскоязычного образовательного материала, заключаются именно в том, что **за целью обучающей** (в условиях университетской институции главной) порой забывается не только **о цели воспитательной** (как о задаче как бы «второстепенной» и даже «вторичной» по отношению к собственно образовательному процессу), но забывается также и **о цели развивающей** — в обучении языку (родному ли, иностранному ли) представляющейся едва ли не центральной и даже определяющей. Определяющей, между прочим, эффективность преподавания и самого процесса работы со студенческой аудиторией.

Почему же правомерно, на наш взгляд, вопрос ставить именно так, а не иначе? Да потому, что обучение языку неизбежно связано с обучением студентов языковому мышлению. И это на языке, не являющемся для обучающегося родным, оказывается процессом достаточно сложным, а потому всегда требует от преподавателей-русистов определенного педагогического напряжения и особой специфической подготовки к учебному процессу.

Позволим себе сформулировать основные проблемы, каждому из словесников хорошо знакомые и потому не новые, однако именно с ними приходится постоянно сталкиваться буквально на каждом практическом занятии. Именно эти проблемы ставят порой в тупик, расстраивая хорошо подготовленный сценарий данной темы, заставляют обращаться на ходу к дополнительному вспомогательному материалу или, в ущерб запланированной аудиторной работе, отвлекаться на посторонние предметы, далеко отстоящие от основной обучающей задачи. Наметим некоторые из этих проблем.

При работе с группами, изучавшими русский язык в средней школе, однако освоившими его на не удовлетворяющем требованиям вуза уровне, русисту приходится методически приспособливаться к невысокой подготовке аудитории в целом, что результативно снижает также качество преподавания и вынужденно упрощает обязательный материал программы. Дополнительной проблемой в этом случае — и в такой аудитории — становятся студенты, пришедшие в институт с хорошей подготовкой и которые, однако, также должны приспособливаться к общему невысокому уровню, что ограничивает данных студентов в дальнейшем языковом развитии.

Поскольку на филологическом факультете нет возможности формировать группы исходя из уровня подготовки поступившего в институт контингента, наверное, имело бы смысл перераспределение групп по результатам первого года обучения, либо даже по результатам первого семестра, т.к. в обучении иностранным языкам общепринято дифференцировать учащихся соответственно уровню освоения материала. Это позволило бы, в частности, в процессе обучения — и в виде поощрения лучших — время от времени переводить студентов в группы более высокого уровня, либо наоборот (если нужного уровня учащемуся не удастся достичь). В таких группах появилась бы возможность применять также более эффективные методы преподавания и изучения русского языка. Но такой дифференцированный подход не вписывается в современную тенденцию к укрупнению учебных групп, все чаще путем их вынужденного слияния.

К серьезным проблемам относится также и крайне низкий уровень подготовки по русскому языку студентов, приехавших в Польшу учиться — как это ни парадоксально — из-за восточной границы. Будучи теоретическими носителями русского языка, они порой не владеют программой даже восьмилетней школы, результатом чего становится их невыразительная, бедная речь, с грубыми речевыми ошибками, грамматическими и семантическими. И приходится лишь беспомощно разводить руками, поскольку — в случае русского как родного для студентов-филологов — такие дефекты языкового образования оказываются непоправимыми в условиях учебы в стране нерусскоязычной, условиях преподавания русского языка как иностранного. Неправильные ответы таких учащихся на занятиях сбивают с толку аудиторию, требуют дополнительного времени на разъяснение допущенных в таком ответе ошибок, которые ни в коем случае нельзя оставлять без комментария, чтобы не выглядели «правильным» ответом.

Проблемная ситуация при этом усугубляется тем, что такие ошибки не типичны для польскоязычной аудитории, отбирают на практическом занятии много времени, поскольку сложны для разбора и для понимания польскими студентами. Оставить без внимания любую из таких ошибок не представляется возможным: ведь, пусть даже относительный, носитель языка традиционно воспринимается иноязычным окружением как эталон правильной речи, что, к сожалению, чревато в дальнейшем закреплении навыков неправильной речи, непониманием смысла сказанного и написанного, разного типа речевыми неточностями. Поэтому важным элементом аудиторной работы должен быть разбор очевидных семантических смещений и искажений, грамматических и словообразовательных форм, характерных сегодня для исконных носителей русского языка и активно отражаемых передачами международных рос-

сийских телеканалов, а также материалами русскоязычного Интернета и публицистических печатных изданий.

В первую очередь в аудитории следует рассматривать наиболее характерные, распространенные и типичные, ошибки, а также те «оговорки» журналистов в прямом эфире, которые отражают черты современного неправильного просторечного узуса. Вот несколько вариантов примерного языкового материала, полезного для работы со студентами в польской аудитории, где такие же ошибки также нередко встречаются:

- неправильное «афёра» вместо правильного *афера*; «маневры» вместо *манёвры*;
- неправильные ударения типа: *звонит*; *поняла*; *квартал*; *договор*; *украинец*, *украинский*;
- неправильное произношение, например, [рэ] — отражаемое рядом современных словарей: *кре[рэ]м*, *кре[рэ]йсер*, *кре[рэ]маторий*, *кре[рэ]н*, *Кре[рэ]мль*, *кре[рэ]до*;
- неправильное словоупотребление: *небожитель*, *небожительница* (не в значении «покойник, -ица», а как «божественный», в частности, об актере, актрисе, искаж.); *признательные показания* (вместо «письменное признание»); *успешный* (о человеке; в сочетании с сущ. одуш., вместо сочетания с сущ. неодуш.); *качественный* (вместо «хорошего, высокого, должного качества»); *отряды миротворцев* (вместо «спецназа»); *смешанная (?) международная комиссия* («международная» подразумевает «смешанная по составу»); *превратил договор в ничтожный* (вместо «в недействительный»); *к душе прикипеть* (вместо «прикипеть душой»);
- неправильные словообразовательные тенденции: *евангельские страсти* (вместо «евангелические»); *дознатель* (вместо «следователь», как дополнительная должность) и *дознательная (комната)*; *досмотровые мероприятия* (вместо «мероприятия по досмотру»); *провальное голосование* (вместо «провалившееся»); *озвучить цифры* (вместо «назвать», «перечислить»); *обеспечить послание президента* (вместо «выполнить указания», «предписания», «директивы»); *защита прав перемещенного населения* (вместо «выселенного» из Южной Осетии; «принудительно?»);
- неправильные грамматические конструкции, например: *говорить под камеру* (о прямом эфире); *детская радость дорогого стоит*; *сегодня имели французскую певицу в Кремле*; *операция по принуждению к миру*; *надо сверить часы с учетом проблем*;
- употребление полонизмов, например, таких как *схрон* (вместо «склад»); *скарбия* (как обращение, вместо «сокровище мое») и др.

Из-за недостаточной базовой и общекультурной подготовки студентов нередко ограниченными оказываются и возможности столкно-

вения на практических занятиях разных точек зрения на те или иные языковые вопросы, чаще всего узувального и семантического характера, что было бы полезно для учебного процесса в студенческой аудитории смешанного контингента (поляки, русские, украинцы и др.) и методически продуктивно. Поэтому целесообразно использовать в тех же целях сопоставительный лексический материал разных словарей, польских и русских.

К примеру, языковым материалом для такой конфронтации и сопоставительного семантического анализа в аудитории, при любом уровне подготовки студентов и при различной степени овладения русским языком как иностранным, являются следующие понятийные и словообразовательные гнезда:

Интеллигентный — «культурный и воспитанный, прежде всего по своему поведению, но необязательно образованный и возможно даже неумный» (русс.) и «умный человек, с образованием и обращающей на себя внимание языковой культурой» (польск.).

Гениальный — «в чем-то исключительный и особенный, обычно не имеющих себе аналогов» (русс.), и «просто в чем-либо лучший, чем некоторые другие» (польск., используемое в речи как экспрессивно-комплементарное).

Романтичный, милый, правдивый — в польском и русском понимании, что не позволяет использовать эти лексемы в польскоязычном и русскоязычном контекстах аналогично.

Весьма сложным для восприятия в учебной аудитории оказываются и такие неожиданные семантические несоответствия, как-то:

- *ординарный* («грубый», польск., и «обыкновенный», русск.);
 - *беспечный* («безопасный», польск., и «легкомысленный», русск.);
 - *верный* («верующий», польск., и «преданный», русск.);
 - *грубый* («толстый», польск., и «бестактно прямолинейный», русск.);
 - *злой* («плохой, нехороший», польск., и «злостный, недобрый к другим лицам», только о субъекте одушевленном и его проявлениях, русск.);
- а также, соответственно, антоним последнего имени прилагательного *добрый* («хороший, подходящий для чего-либо; высокого качества», польск., и «незлой, хороший; доброжелательный и отзывчивый к другим», только о субъекте одушевленном и его проявлениях, русск.) и т.п.

В этом случае предметом аудиторной работы становятся такие слова, которые входят в круг так называемых «ложных друзей переводчика».

Такие слова, как *honor* («честь») — *гонор* («спесь»), *duma* («мысль») — *дума* («раздумье»), *ssaki* («млекопитающие») — *ссаки* («моча», просторечное, вульгарно окрашенное), *matka* («мать; мама») — *матка* (как термин анатомический, медицинский).

Особый интерес для анализа национально-культурного контекста, речевого употребления и узуального восприятия представляет также семантико-стилистический ряд: *толерантный*, *терпимый*, *терпеливый* и *терпящий* что-либо, от кого-либо или чего-либо, а также лексический ряд: *терпеть*, *перетерпеть*, *претерпевать*, *стерпеть*, *вытерпеть*, *быть терпеливым* и *быть терпимым* во всем его семантическом разнообразии.

В этом контексте прежде всего следует рассмотреть семантику лексических единиц данного словообразовательного гнезда в современном польском языке⁴:

Tolerancja <fr. *tolérance*> 1. *książk.* «poszanowanie czyichś poglądów, wierzeń, upodobań, czyjegoś postępowania, różniących się od własnych». *Tolerancja* polityczna, religijna. *Tolerancja* wobec nowych prądów, kierunków. Okazywać daleko idącą tolerancję dla dysydentów, innowierców... / liberalizm.

И, соответственно, диаметрально противоположное:

Nietolerancja 1. *książk.* «brak tolerancji, szacunku, wyrozumiałości dla cudzych poglądów, upodobań, dla cudzego postępowania, nieuznawanie cudzych przekonań». *Nietolerancja* religijna, wyznaniowa. *Nietolerancja* rasowa. Spotykać się z *nietolerancją*. Walczyć z *nietolerancją*. Antyfeminizm, antyklerykalizm, antysemityzm, dyskryminacja.

Практически полным синонимом к слову *tolerancja* в польском языке оказывается следующая лексема, что обуславливается основной семантикой глагола, от которого они образованы:

Tolerancyjność *książk.* rzecz. od *tolerancyjny*: *Tolerancyjność* dla cudzych poglądów, wierzeń a. wobec cudzych poglądów, wierzeń, wyrozumiałość; *książk.* «cecha pozwalająca zrozumieć i wybaczyć czyjeś niewłaściwe postępowanie».

Tolerować <fr. *tolérer*> 1. *książk.* «odnosić się z tolerancją, z wyrozumiałością do czyichś, zwykle niewłaściwych, przekonań, postępków, do czyjegoś naganego zachowania, pobłażać komuś; także: godzić się na czyjąś obecność, nie aprobując poglądów ani zachowania tej osoby, znosić coś, kogoś»: *Nie chcąc kłótni, tolerował jej prowokujące zachowanie. Nie tolerował żadnej krytyki w stosunku do siebie. W domu był zaledwie tolerowany.* *Tolerować* czyjeś dziwactwa, niewielkie uchybienia, afery, korupcję.

Теперь сравним, как представлена семантика аналогичной лексемы в одном из современных словарей иноязычной лексики русского языка. Напомним при этом, что слово *толерантность* для носителей данного

⁴ *Uniwersalny słownik języka polskiego*. [Электронный вариант]. Warszawa 2004.

языка является заимствованием, причем актуализированным в публичной речи сравнительно недавно — актуализированным как относительно «новое» понятие, которое до периода горбачевской перестройки по идеологическим соображениям не использовалось, наравне с семантически близкими ему лексемой и понятием *плюрализм*:

Толерантность полит. — 1. терпимость, снисходительность к чему-либо; 2. принцип политического плюрализма⁵.

Самым сложным в узуальном контексте для польских студентов оказывается понять то, что лексемы *терпимость* и *терпение* в контексте русской ментальности не только не являются синонимами, но выражают несходные понятия, несмотря на то, что оба слова образованы от одного и того же глагола *терпеть*. Но наиболее интересным представляется анализ семантики данного понятия, весьма сложного в контексте русской ментальности, в сопоставлении всего комплекса значений синонимов и их корневых производных⁶:

Толерантность [лат. *tolerantia* терпение] — 1. «терпимость, снисходительность к кому-или чему-л.»; 2. «биол., мед. полное или частичное отсутствие иммунологической реактивности, т.е. потеря (или снижение) организмом животного или человека способности к выработке антител в ответ на антигенное раздражение».

В словаре Т. Ефремовой находим значения следующих лексем⁷:

Терпение ср. 1. «Процесс действия по знач. глг.: терпеть» (1); 2. Состояние по знач. глг.: терпеть (2); 3. «Способность сохранять выдержку, самообладание в ожидании нужных результатов». 4. «Способность заниматься чем-л. долго, проявляя упорство и настойчивость».

Терпимость ж. 1. «Отвлеч. сущ. по знач. прил.: терпимый» (2); 2. устар. «То же, что: веротерпимость».

Терпеливость ж. 1. «Отвлеч. сущ. по знач. прил.: терпеливый».

Первая, лексема как отглагольное существительное, образована от глагола *терпеть*:

Терпеть несов. перех. и неперех. 1. «Стойко переносить физические и моральные страдания, лишения»; 2. перех. «Переносить, сносить что-л., мириться с чем-л. в ожидании перемены, каких-л. результатов». // «Не требовать от кого-л. чего-л. немедленно,

⁵ *Новейший словарь иностранных слов и выражений*. Справочное издание. Москва—Минск 2002.

⁶ Т.Ф. Ефремова: *Новый словарь русского языка. Тольково-словообразовательный*. Т. 1—2. Москва 2000, т. 2.

⁷ Там же.

соглашаясь ждать»; 3. «Подвергаться тяжелым испытаниям, страдать» // перех. «Нести материальный ущерб, иметь убытки»; 4. перех. «Мириться с существованием кого-л., чего-л».

Два другие существительные — производные от прилагательных, отражающих разные значения производящей основы:

Терпимый прил. 1. Такой, что можно вытерпеть, вынести. // разг. Умеренный, сносный; 2. Относящийся терпимо (1*1), без вражды к чужим мнениям, обычаям, привычкам.

Терпеливый прил. 1. Обладающий терпением, способный терпеть.

Однако только второе из названных существительных — *терпимость* — синонимично к лексеме *толерантность* и только прилагательное *терпимый* будет синонимом к прилагательному *толерантный*:

Толерантность ж. 1. «Отвлеч. сущ. по знач. прил.: толерантный»

Толерантный прил. 1. «Способный переносить неблагоприятное воздействие какого-л. вещества или яда (об организме)» // «Характеризующийся отсутствием иммунологической реактивности» 2. перен. «Способный, умеющий терпеть что-л. чужое, мириться с чужим (мнением, характером и т.п.); снисходительный, терпимый».

При этом ставшее активным в современном русском языке слово *толерантность*, воспринимаемое как относительно «новое», исторически восходит к устаревшему, мало известному и неактуальному глаголу⁸:

Толерировать несов. перех. и неперех. устар. 1. «Проявлять толерантность по отношению к кому-л., чему-л.».

От всех прилагательных образованы наречия, в современном языке активные:

Терпеливо нареч. 1. «Соотносится по знач. с прил.: терпеливый».

Терпимо 1 нареч. 1. «Проявляя терпение, терпимость»; 2. разг. «Так, что можно вытерпеть, вынести».

Терпимо 2 предикатив разг. 1. «Оценка чего-л. как умеренного, сносного».

Толерантно нареч. 1. «Соотносится по знач. с прил.: толерантный».

Интересно в студенческой аудитории сопоставить приведенный выше материал с данными словаря Вл. Даля⁹:

⁸ Там же.

⁹ Вл. Даль: *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 1—4. Москва 1955—1956, т. 4.

Терпимый, -ая, -ое; -им. 1. «Такой, что можно терпеть, с к-рым можно мириться. *Терпимые условия*»; 2. «Умеющий без вражды, терпеливо относиться к чужому мнению, взглядам, поведению». *Т. характер. Терпимое отношение к людям*. II *сущ.* терпимость, -и, *жс.* (ко 2 знач.). *Т. к чужим мнениям*. *Дом терпимости — то же, что публичный дом. *Терпеть*, терпировать что, выносить, переносить, сносить, нуждаться, страдать; | крепиться, об(пере)маться, мужаться, держаться, стоять не изнемогая, не унывая; | ожидать, выжидать чего лучшего, надеяться, быть кротким, смиряться; | снисходить, допускать, послаблять, потакать, поноравливать, давать повадку; | не спешить, не торопить, не гнать, сноравливать; | безличн. Дело это терпит, время терпит, дело не спешить, не спешно.

Особенный познавательный интерес для аудиторной работы и семантического анализа единиц словообразовательного гнезда представляет иллюстративный материал словаря Вл. Даля¹⁰, отражающий и особенности узуальных контекстов (1, 3), и простречные возможности словотворчества (2):

1. Терплю боль, бедствие, гонение, напраслину, подпал этому невольно, и не могу освободиться. Терпи, казак, атаман будешь! Терпит, не крикнет. Придется терпеть до лета. Бумага терпит, перо пишет. Он покуда терпит долг на мне, да не знаю, долго ли еще станет терпеть. Я не терплю грубиянов. Ворам терпеть, самому воровать (пропадать). Спешить нечего, а потерпи. Доколе терплю вам, *Матф.* Ваши преступления. Гречиха знобу не терпит. Бог долго терпит, да больно бьет. Живы, поколе Господь грехам терпит. Час терпеть, а век жить. Лучше самому терпеть, чем других обижать. Терпеть не беда, было б чего ждать. Терпя, горе скажется. От того терплю, кого больше люблю. Терпя и камень треснет. Терпя и горшок надсядется. Пошел на царскую службу — терпи и нужду. Терпи пота, пока терпят бока. Терпи голова, в кости скована! Терпя в люди *выходят*. -ся, безличн.

2. Это не терпится у нас, не дозволяется. Во все втерпишься. Не вытерплю, скажу! Дотерпелись донельзя. Истерпелись мы, не стало терпения. Натерпелись нужды. Обтерпишься, и в аду ничего! Оттерпимся, и мы люди будем. Потерпи на мне должек. Все перетерпели. У кузнеца рука к огню притерпелась. Протерпели всю зиму нужду. Этой обиды не стерплю. Стерпится, слобится. Не утерпела баба, провралась!

¹⁰ Там же, т. 4.

3. Терпение, состояние и свойство по *глагол.*; *противопол.* нетерпение, спешливость, непостоянство, опрометчивость, горячность, запальчивость, требовательность напр. В терпении является сила и величие духа, терпение же есть признак кротости, смирения, снисхождения. Терпенье исподволь свое возьмет. Китаец терпением берет. Возьми терпение, терпи. Выйти из терпения, потерять терпение.

Не менее полезен для сопоставительного и семантического анализа, при работе со студентами на занятиях по практике русского языка, материал из сборника Вл. Даля *Пословицы русского народа*¹¹.

Сравним также семантический комплекс *терпеть* — *терпение* в польском языке¹²:

(1) *Cierpieć* 1. «odczuwać, przeżywać, znosić ból fizyczny lub moralny»: *Cierpieć* z powodu rany na nodze. *Cierpieć* ból, głód, nędzę, zimno. *Cierpieć* za popełnione winy; *fraz. książk.* *Cierpieć* męki Tantalą «мучить się wskutek niemożności osiągnięcia czegoś bliskiego, pożądanego, lecz niedostępnego»; *przestarz.* *Cierpieć* coś do kogoś «mieć do kogoś urazę, pretensję, odczuwać do niego niechęć»; 2. «boleć nad czymś lub z powodu czegoś»: *Cierpieć* nad czymś nieszczęściem. *Cierpieć* nad ludzką głupotą, niedolą; 3. «odczuwać, znosić jakąś dolegliwość; chorować»: *Cierpieć* na schizofrenię, na bóle w stawach. *Cierpieć* na bezsenność. *Cierpieć* na chroniczny katar; *fraz.* *Cierpieć* na brak czegoś «odczuwać brak czegoś, nie mieć czegoś potrzebnego»; *książk.* *Cierpieć* chłód i głód *zob.* chłód w zn. 1; *przysł.* *Cierp* ciało, kiedy ci się chciało *zob.* ciało w zn. 2; 4. «znosić kogoś lub coś cierpliwie; tolerować»: Jak możesz *cierpieć* w domu takiego człowieka? Nie *cierpiał* swojego sąsiada. Nie *cierpieć* plotek; *fraz. książk.* Sprawa *niecierpiąca* zwłoki «чтоś, co wymaga natychmiastowego załatwienia»; 5. «ponosić stratę, szkodę, być poszkodowanym, narażonym na szwank; tracić»: Był *niezorganizowany*, więc *cierpiały* na tym jego interesy.

Семантика польского глагола *cierpieć* в первую очередь — и прежде всего — ассоциативно связана с представлениями о «неудобстве внешнего и часто объективного характера», а также о «боли, физической и душевной». Узуальный контекст усиливает, как правило, оттенок «страдательности» субъекта *терпения*, «труднопереносимости» для него каких-либо внешних факторов воздействия. Значение 4, представленное в словарях польского языка как синонимичное к глаголу *tolerować*, соотносимо с русским *сносить* кого, что (либо *не сносить*) и даже с более

¹¹ *Пословицы русского народа*. Сб. В. Даля. В 2-х тт. Москва 1984.

¹² *Uniwersalny słownik języka polskiego...*

экспрессивным вариантом того же — *переносить* кого, что / *не переносить*. При этом польское соответствие *cierpieć* 4, как видно из самих словарных примеров, используется чаще всего в конструкциях с отрицанием *nie*, о чем свидетельствует также семантика возвратной формы глагола, а также отглагольного существительного, отражающего практически, по сравнению с русским, лишь одно значение слова *терпение*:

(2) *Cierpieć się* «cierpieć, znosić wzajemnie jeden drugiego; tolerować się»: Nie cierpieli się od dawna. Nie cierpiał się z bratem.

(3) *Cierpienie* 1. rzecz. od *cierpieć*; 2. «wielki ból fizyczny lub moralny; dolegliwość»: Znosić cierpienie. Koić, łagodzić czyjeś cierpienia. Przysporzyć komuś cierpienie. Sprawić, zadać komuś cierpienie. Mężnie znosić cierpienia; *fraz. książk.* Cierpienia Tantala, *przestarz.* tantalowе *zob.* Tantal.

Тем самым, при анализе данного лексического материала мы видим, что, если в русской ментальности определяющим становится понятие *терпимость* (нейтральное, ровное и спокойное отношение к представлениям, проявлениям, внешности человека иных взглядов, другой национальности, отличного вероисповедания), то, напротив, в польском менталитете — и, к сожалению, в мироощущении студентов-филологов — доминантным оказывается понятие *нетерпимость*, проецируемое также на бытовые сферы самого разного характера.

Прагматический языковой материал не должен становиться на занятиях самоцелью, а должен стать удобным основанием и подспорьем для решения задач развивающей и обучающей, т.е. основанием для развития у студентов языкового чутья и для более глубокого понимания ими внутриязыковых фонетических, семантических и грамматических процессов, поскольку подразделение речевой практики на занятиях по лексике и грамматике, как известно, довольно условно. В языковой системе так же, как в потоке живого языка, они нераздельны и друг от друга не отделимы. Достаточно вспомнить хотя бы хрестоматийный пример академика Л. Щербы: составленную им грамматически правильную для русского языка — по своему предложно-флексионному оформлению — конструкцию и представляющую собой, вместо семантически оформленного высказывания, бессмысленные сочетания звуков.

Проблемой, осложняющей решение основных дидактических задач в рамках занятий, является нередкое также отсутствие у студентов, изучающих русский язык, минимально необходимого культурного и языкового контекста изучаемого материала.

Немаловажен также и концептуальный подход к материалу практических занятий. Так, специфика преподавания практического русского языка, например, в контексте темы *Язык и религия* предполагает, прежде всего, знакомство студентов с основной, наиболее распространенной

терминологией, употребляемой в устной и письменной речи, когда затрагиваются вопросы, связанные с пятью основными мировыми религиями (*ведизм, иудаизм, христианство, ислам, буддизм*), а также с языческими верованиями и формами атеизма. Работа в университетской аудитории, при изучении иностранного языка, не предполагает ни серьезного углубления в затрагиваемые «околорелигиозные» темы, ни последовательного сравнения философских и догматических положений религиозных мировоззрений различного толка (напр., учений *Кришны* и *Будды*), ни сопоставления семантики и атрибутивной стороны обрядности (напр., у *протестантов, католиков, православных*). При подобном подходе к изучаемому материалу преподавателем не будет достигнута поставленная им самим собственно **обучающая цель**.

Как излишняя сложность философско-религиозных концепций, так и ненужное повторение студентам давно им известного снижают активность группы и интерес студентов к самим занятиям. Более того, не будучи сам в таких вопросах компетентным, русист не может ставить подобных задач перед аудиторией и, тем более, экзаменовать обучающихся русскому как иностранному по данным вопросам, поскольку это не входит в **развивающую цель** занятий по практике языка. Следовательно, и терминологический аппарат должен носить на занятиях общий, культурологический, а не узкоспециальный характер. Так, допустим, он не должен включать в себя профессиональный лексикон служителей определенного культа. Не должен выражать те или иные идеологические установки. Напротив, это должна быть, прежде всего, лексика нейтральная, научно-популярная и общеупотребительная, без обладания терминологии одного какого-либо религиозного либо мистического направления — напр., *мусульманства, вуду, католицизма* или *эзотеризма*, что обеспечит также главную **воспитательную цель** подобных занятий: *толерантность* молодых филологов к представителям разных культур и религий.

Margarita Nadel-Czerwińska

O niektórych aspektach specyfiki nauczania języka rosyjskiego w warunkach polskich

Streszczenie

Artykuł dotyczy realizacji w trakcie zajęć z praktycznej nauki języka rosyjskiego trzech podstawowych celów nauczania: poznawczego, kształcącego i wychowawczego. Autorka koncentruje się na problemie kształcenia umiejętności adekwatnego i efektywnego odbio-

ru różnego rodzaju tekstów — publicystycznych, literackich itp. Omawia podstawowe problemy językowe, z którymi często stykają się wykładowcy — rodzimi użytkownicy języka na zajęciach z polskojęzycznymi studentami. Zagadnienie to analizuje na przykładzie różnic w semantyce i funkcjonowaniu leksemów: *толерантность* — *терпимость* — *терпение* — *терпеливость*.

Margarita Nadel-Czerwińska

On some aspects of the specificity of teaching Russian under Polish circumstances

Summary

The article concerns the realization of the three main aims of teaching, a cognitive and educational in the course of practical Russian classes. The author concentrates on the problem of teaching students the ability to appropriately and effectively receive different types of texts, journalistic, literary ones, etc. She discusses basic language problems the lecturers – native speakers often face during classes with Polish-speaking students. The very phenomenon is dealt with on the example of differences in semantics and functioning of lexemes: *толерантность* — *терпимость* — *терпение* — *терпеливость*: *толерантность* — *терпимость* — *терпение* — *терпеливость*.